
РЕГИОНАЛЬНАЯ ЭКОНОМИКА И ПРОСТРАНСТВЕННОЕ РАЗВИТИЕ

XPLCAO

ПРИМОРСКИЕ МУНИЦИПАЛИТЕТЫ В ПРОСТРАНСТВЕННОМ РАЗВИТИИ РОССИИ: МНОГОМЕРНАЯ ТИПОЛОГИЗАЦИЯ

А. Г. Дружинин^{1, 2}

Д. А. Вольхин³

О. В. Кузнецова⁴

¹ Южный федеральный университет,
344006, Россия, Ростов-на-Дону, ул. Большая Садовая, 105/42

² Институт географии РАН,
119017, Россия, Москва, Старомонетный пер., 29

³ Крымский федеральный университет имени В. И. Вернадского,
295007, Россия, Симферополь, просп. Академика Вернадского, 4

⁴ Институт народнохозяйственного прогнозирования РАН,
117418, Россия, Москва, Нахимовский просп., 47

Поступила в редакцию 05.05.2025 г.

Принята к публикации 30.07.2025 г.

doi: 10.5922/2079-8555-2025-3-5

© Дружинин А. Г., Вольхин Д. А.,
Кузнецова О. В., 2025

В пространственной структуре современной России весомую роль играют обширнейшие приморские зоны, чье дальнейшее развитие предполагает предельно полный и дробный (вплоть до «низового» уровня, представленного конкретными приморскими муниципальными образованиями) учет природно-экологических и социально-экономических условий селитебной и хозяйственной активности. В статье предложены методический подход и результаты многомерной типологизации приморских муниципальных образований Российской Федерации (186 городских округов, муниципальных районов и муниципальных округов), базирующейся на межбассейновой природно-хозяйственной зональности, сопоставлении экономического, демографического и площадного «размеров» муниципальных образований, положении их административных центров относительно морских побережий, центр-периферийных отношениях в рамках «опорных баз» морской активности, морехозяйственном функционале, превалирующих локализованных проблемах социально-экономико-экологического развития, а также наличии федеральной поддержки в формате преференциальных режимов ведения хозяйственной деятельности. Представлен алгоритм типологизации, а также ее картографическая визуализация (на основе ГИС). Дана оценка и компаративистика социально-экономической динамики приморских муниципальных образований различных типов и подтипов. Выявлены и конкретизированы разнонаправленные процессы пространственной социально-экономической динамики в приморской зоне России: поляризация, «сжатие» населения и экономики в одних муниципалитетах и пространственное «сжатие» хозяйственного освоения в других. Идентифицированы наиболее проблемные типологические группы приморских муниципальных образований и их локализация (Тихоокеанская Россия, Арктическая зона). Акцентированы направления учета типологической

Для цитирования: Дружинин А. Г., Вольхин Д. А., Кузнецова О. В. Приморские муниципалитеты в пространственном развитии России: многомерная типологизация // Балтийский регион. 2025. Т. 17, № 3. С. 81–101. doi: 10.5922/2079-8555-2025-3-5

специфики приморских муниципалитетов в стратегировании пространственного развития Российской Федерации (в том числе в контексте федеральной поддержки геостратегических территорий и формирования сети опорных населенных пунктов).

Ключевые слова:

приморские муниципальные образования, типологизация, морехозяйственный комплекс, пространственное развитие, Россия

Введение

Проблематика пространственного развития современной России (как зафиксировано в недавно принятой «Стратегии пространственного развития Российской Федерации на период до 2030 года с прогнозом до 2036 года»¹) неизменно вмещает «морской» (в том числе «приморский») компонент, наиболее четко проявляющийся на «низовом» таксономическом уровне, в качестве которого в аналитических целях, в силу особенностей российской статистики, могут выступать муниципальные образования (муниципалитеты). Обусловленная многоаспектным влиянием «фактора моря» [1] специфичность приморских муниципальных образований (далее — ПМО) сочетается при этом с выраженными природно-хозяйственными и селитебными различиями как между отдельными муниципалитетами, так и между их обособленными (в пределах отдельных морских бассейнов и их субрегионов) группировками. Нарботанные ранее [2—7] немногочисленные подходы в сфере отраслевых и региональных исследований ПМО России (представляя собой преимущественно покомпонентную аналитику либо избирательно фокусируясь на конкретных участках побережья), к сожалению, недостаточно полно охватывают компаративистику системных условий и особенностей развития этого типа территорий в масштабе всей страны на единой критериальной и информационно-аналитической базе. Цель статьи — многомерная (по значимым параметрам) типологизация всей совокупности ПМО Российской Федерации, отражающая специфические факторы, тренды и приоритеты их социально-экономической динамики в общефедеральном контексте пространственного развития.

Обзор ранее выполненных работ. Типологический подход в общественно-географических исследованиях относится к числу неизменно актуализированных и при этом традиционных, базовых [8]. В широком смысле его аппликацией является и обособление (как в российской науке [9—13], так и в трудах зарубежных авторов [14—17]) всей полимасштабной совокупности территорий (зон, регионов, городов и их агломераций), идентифицируемых в качестве «приморских» («coastal»). Эти структуры, в свою очередь, выступают сфокусированным объектом параметризации и классификации по ряду типологически значимых признаков (что, в частности, иллюстрируется соответствующими публикациями [18; 19]).

В последние годы (в русле тренда на «муниципализацию» исследований в сфере пространственного развития [20]) в отечественной науке наработаны продуктивные подходы в области типологизации муниципальных образований. Эти подходы ориентированы как на учет специализации экономики конкретных муниципалитетов и их положения в системах расселения [21], так и на фиксацию четко выраженных в российских условиях (характеризуемых масштабными социально-экономическими градиентами по осям «север — юг» и «запад — восток» [22]) межтерриториальных различий в степени заселенности и хозяйственной освоенности, дополняемых центр-периферийными контрастами и влиянием фактора «столичности» [23]. Что

¹ Стратегия пространственного развития России до 2030 года с прогнозом до 2036 года. Министерство экономического развития Российской Федерации, 2025, URL: https://www.economy.gov.ru/material/directions/regionalnoe_razvitie/strategicheskoe_planirovanie_prostranstvennogo_razvitiya/strategiya_prostranstvennogo_razvitiya_rossii_do_2030_goda_c_prognozom_do_2036_goda/ (дата обращения: 05.02.2025).

касается непосредственно ПМО, то в качестве значимых типологических признаков для них рассматривались «удаленность от моря» [24], положение центра (ядра социально-экономической активности) муниципалитета по отношению к береговой линии («талассоцентрированность» [25]), роль муниципалитета (и их локализованных группировок) в морском хозяйстве страны и ее регионов («опорные базы» морской активности [26]).

Материалы и методы

Презентуемый в статье исследовательский подход к типологизации ПМО является полимасштабным и наряду с этим ориентированным на всю обширную (и «рассредоточенную») совокупность приморских территорий России. С учетом ранее осмысленных критериев «приморскости» (непосредственное соседство с морским побережьем, развитые морехозяйственные функции, функциональная связь с морскими хозяйственными комплексами, в том числе с морскими портами или портами в устьях рек, а также формирование единых локальных приморских систем расселения под воздействием агломерационного эффекта [7]) в качестве суммарного объекта анализа идентифицированы 71 городской округ, 7 закрытых административно-территориальных образований (ЗАТО) и 106 муниципальных районов (либо округов), относящиеся к 21 субъекту Российской Федерации. В выборке по информационным причинам отсутствуют муниципалитеты новых регионов (три новых субъекта РФ являются приморскими), но, напротив, включены два приморских города федерального значения (Санкт-Петербург и Севастополь), далее условно включаемые в число ПМО. На подвергнутые процедурам типологизации приморские территории приходится в итоге 27,6 % общей площади страны и 13,9 % ее населения (на 1 января 2024 г.).

Многомерность типологизации предопределена одномоментной фокусировкой:

- на фактической *межбассейновой природно-хозяйственной зональности*, обуславливающей различия в степени заселенности (плотность населения) и хозяйственной освоенности (налогооблагаемые доходы физических лиц и индивидуальных предпринимателей на единицу территории);

- *экономическом, демографическом и площадном «размере»* ПМО; тип ПМО по данному критерию определен и картографически визуализирован на основе трехкомпонентного индекса (по соотношению показателей доли ПМО в площади территории, численности населения и налогооблагаемых денежных доходах физических лиц и индивидуальных предпринимателей по всей совокупности российских ПМО) по методике [27];

- *позиционных характеристиках* ПМО как сочетании степени их талассоцентрированности и особенностей местоположения в приморских (аква-территориальных) центр-периферийных системах; на этой основе в совокупности ПМО вычленены: 1) ядра опорных баз; 2) периферийные компоненты опорных баз; 3) опорные пункты морской активности вне опорных баз; 4) талассоцентрированные ПМО (с ядром экономической активности у береговой линии); лишенные значимых составляющих морехозяйственной активности; 5) ПМО без выраженных морехозяйственных функций и талассоцентрированности; 6) ПМО с морехозяйственными функциями вне опорных баз;

- *морехозяйственном функционале* ПМО с обособлением их инвариантов: монофункциональных (портовые, индустриальные со связанной с морским хозяйством специализацией, курортно-рекреационные, добыча минеральных ресурсов на шельфе, образовательно-научные ПМО), полифункциональных (с разным сочетанием функций), а также лишенных значимых морехозяйственных функций;

- *превалирующих локализованных проблемах социально-экономико-экологического развития* конкретных ПМО по следующим аспектам: транспортно-логистическая и экономическая изолированность (удаленность от ведущих центров), оцениваемая по предложенной в [28] методике; «сжатие» поселений и в целом освоенного

пространства (прежде всего в аспекте депопуляции); существенное отставание по уровню социального и экономического развития (от средних для ПМО значений в масштабе бассейна и страны); сложные природно-климатические условия жизнедеятельности: прежде всего районы Крайнего Севера, горные районы и районы с активными опасными сейсмическими и вулканическими процессами (чьи характеристики определены по [29; 30]); повышенная уязвимость природных систем, очаги и ареалы экологических проблем; неблагоприятное военно-стратегическое положение, а также сложности ведения хозяйства в связи с геополитическими обстоятельствами;

— наличие *федеральной поддержки* в формате преференциальных режимов ведения предпринимательской деятельности (особые экономические зоны, свободный морской порт и т. п.).

Демографический, экономический, площадной «размеры» ПМО, уровень их социально-экономического развития определялись по данным муниципальной статистики Росстата за 2016—2024 гг. Выбор 2016 г. обусловлен возможностью включения в анализ данных по Республике Крым и г. Севастополю. Наиболее актуальные данные по численности населения доступны на 1 января 2024 г.; по налогооблагаемым денежным доходам населения, используемым нами в качестве основного экономического показателя, по всему кругу ПМО — за 2021 г.¹

Талассоцентрированность ПМО определялась на основе географического положения административных центров ПМО. Опорные базы были выделены ранее в [26], центр и периферия опорных баз определялись исходя из экономического веса ПМО, но не во всей совокупности российских ПМО, а в пределах опорной базы.

Анализ морехозяйственных функций ПМО проводился на основе разнообразных общедоступных источников как качественной, так и количественной информации, отражающих особенности структуры экономики ПМО: данных о деятельности морских портов, морских курортов, наличии связанных с морем конкретных предприятий (судостроения, рыбопереработки и т. д.), данных муниципальной статистики Росстата по объемам выручки по видам экономической деятельности. Разделение на типы в конечном итоге осуществлялось экспертным путем в силу уже указанного сочетания исходной количественной и качественной информации.

Аналогичные подходы использовались при оценке превалирующих локализованных проблем социально-экономико-экологического развития: отчасти эти оценки опираются на статистические данные (сокращения численности населения, уровня налогооблагаемых денежных доходов на душу населения), отчасти на качественные характеристики.

Оценка наличия федеральной поддержки в формате преференциальных режимов основывается на анализе российских нормативно-правовых актов, представленных в соответствующих правовых базах данных.

Результаты и их обсуждение

Любое ПМО России вмещает, как правило, несколько одновременно проявляющихся существенных типологических признаков, порождая (применительно ко всей совокупности приморских муниципалитетов) множественность их комбинаций и, соответственно, вероятностных типологических групп и подгрупп. Так, в частности, из 186 исследуемых ПМО 116 идентифицированы как талассоцентрированные (на них приходится 77 % населения, 76 % площади и около 68 % налогооблагаемых денежных доходов всех ПМО страны); 29 ПМО, концентрируя 63 % населения всех ПМО и более 50 % их экономического потенциала, формируют ядра «опорных баз» морской активности страны; еще 85 ПМО тяготеют к ним в качестве периферийных компонентов; 81 ПМО монофункциональны, в то время как

¹ Муниципальная статистика, 2024, URL: <https://rosstat.gov.ru/munstat> (дата обращения: 06.12.2024).

66 демонстрирует полифункциональность, а 39 (согласно проведенному исследованию) — фактически лишены морехозяйственных функций. Имеющая место поливариантность значимых свойств и характеристик отдельных муниципалитетов сочетается с обособлением их разномасштабных ареалов с выраженными типологическими признаками, придающими всей типологии ПМО России четкую географическую обусловленность.

Специфика российских ПМО предполагает решение задачи типологизации на основе трехзвенного (объединяющего три сопряженных аспекта) подхода.

Первый аспект ориентирован на позиционно-селитебные свойства конкретных ПМО, проявляющиеся как в общероссийском, так и в региональном масштабе. В его рамках уместно вычленить два базовых, обладающих выраженной территориальной обособленностью макротипа ПМО: северо-восточный (Арктическо-Тихоокеанский) с сопоставимо низкой плотностью заселения и «очаговой» хозяйственной активностью и юго-западный (Балтийско-Черноморско-Азово-Каспийский) с повышенной плотностью населения и экономики при превалировании крупных агломерированных форм расселения (рис. 1).

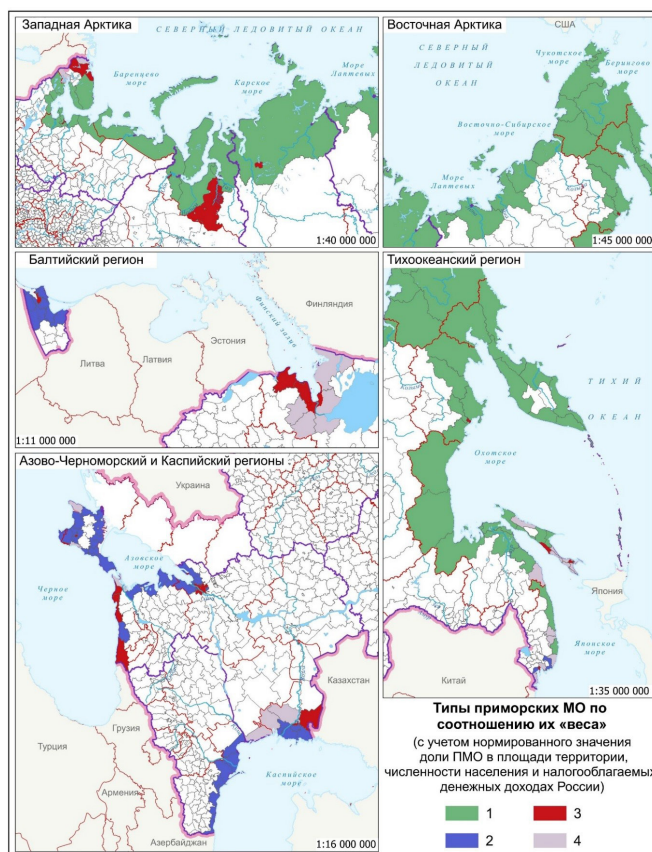

Рис. 1. Типологическая группировка ПМО по соотношению их территориального, демографического и экономического веса: 1 — высокий территориальный вес, средний / низкий демографический и экономический вес; 2 — высокий демографический вес, средний / низкий территориальный и экономический вес; 3 — высокий экономический, средний / низкий территориальный и демографический вес; 4 — без резкого преобладания одного из показателей

Составлено на основе данных Росстата.

Именно на северо-востоке страны локализован основной массив ПМО (97,1 % всей их суммарной территории), в то время как на юго-западе — их преобладающий демографический и (не столь выраженный) хозяйственный потенциал (табл. 1).

Таблица 1

**Группировка ПМО России по приморским регионам (бассейнам),
их вес в основных показателях**

Приморский субрегион (морской бассейн)	Количество ПМО	Численность населения, тыс. чел.		Доля в населении, % (2024)		Доля в площади территории, %		Экономический вес*			
		2016	2024	ПМО РФ	РФ	ПМО РФ	РФ	Млрд руб.		% (2021)	
								2016	2021	ПМО РФ	РФ
Западная Арктика	32	1749	1543	7,6	1,1	41,4	11,4	706,8	1184,8	22,7	3,2
Восточная Арктика	12	75	73	0,4	0,05	27,7	7,6	44,5	70,7	1,4	0,2
Тихо-океанский	54	2203	2070	10,2	1,4	28,0	7,7	725,6	1092,4	20,9	3,0
Балтийский	24	7223	7964	39,2	5,4	0,9	0,2	383,1	740,8	14,2	2,0
Азово-Черно-морский	41	5966	6210	30,5	4,2	1,1	0,3	935,5	1737,7	33,3	4,7
Каспийский	23	2423	2480	12,2	1,7	1,0	0,3	376,2	393,6	7,7	1,1
<i>Всего</i>	186	19639	20339	100	13,9	100	27,6	3171,7	5557,3	100	14,2

*Налогооблагаемые денежные доходы физических лиц и индивидуальных предпринимателей (здесь и далее — без учета Санкт-Петербурга, Севастополя и ЗАТО).

Составлено на основе данных Росстата.

К юго-западному макротипу относятся ведущие приморские ареалы «сгущения» экономической активности — Санкт-Петербургская (ПМО Ленинградской области) и Калининградская агломерации на Балтике, кубанские ПМО на Черном море, ПМО Ростовской агломерации, а также частично пересекающиеся с ними ареалы концентрации населения, включая ПМО Крыма, азовского побережья Краснодарского края, ПМО Дагестана и Астраханской области на Каспии.

Северо-восточный макротип, напротив, в выраженной степени обладает чертами периферийности и, еще более явственно, «северности». Переходные, атипичские (для «своего» макротипа) свойства демонстрируют ПМО юга Приморского края и Сахалинской области, а также Мурманской городской агломерации («юг» и «запад» в контуре «севера» и «востока»).

На внутрирегиональном (бассейновом) уровне позиционно-селитебные особенности ПМО позволяют в рамках двух вышеназванных макротипов (в качестве особых самостоятельных типологических подгрупп) вычлениить 1) ПМО, относящиеся к ядрам 14 общегосударственно значимых опорных баз морской активности (ранее идентифицированных в [26]); 2) ПМО, являющиеся периферийными их компонентами; 3) ПМО вне «опорных баз» (рис. 2).

Учет феномена «опорных баз» предполагает одновременную фиксацию внимания в типологизации (в качестве ее второго магистрального компонента) на структурных особенностях ПМО, в числе которых наиболее значимыми выступают морехозяйственный функционал, а также талассоцентрированность. В приморской зоне России численно преобладают муниципалитеты, чьи административные центры тяготеют к берегам морей и океанов (выражена талассоцентрированность) — 116 территориальных единиц; центры остальных 70 ПМО удалены от побережий. При этом преимущественной выраженностью талассоцентрированности обладают ПМО северо-восточного макротипа, в структуре которого талассоцентрированные ПМО в сумме концентрируют 73 % общего числа приморских муниципалитетов,

около 75 % их населения и территории, более 65 % — налогооблагаемых доходов физических лиц и индивидуальных предпринимателей. В структуре юго-западного макротипа лишь половина ПМО своими центрами тяготеет к побережьям морей, имея существенный демографический, площадной и экономический вес и формируя более поляризованное социально-экономическое пространство.

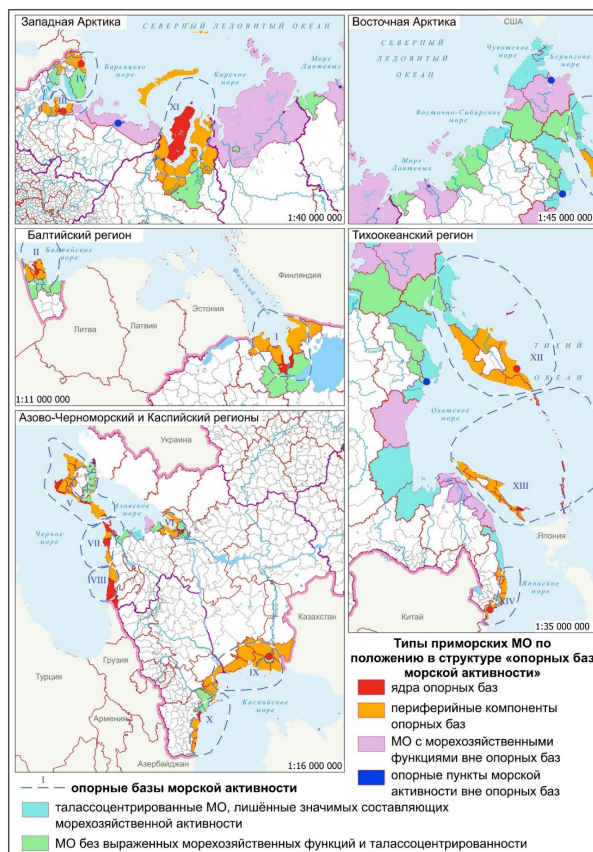

Рис. 2. Типы приморских муниципальных образований России по положению в структуре «опорных баз морской активности»: I — Санкт-Петербургская; II — Калининградская; III — Архангельская; IV — Мурманская; V — Севастопольско-Крымская; VI — Ростовская; VII — Новороссийская; VIII — Сочинско-Туапсинская; IX — Астраханская; X — Махачкалинско-Каспийская (формирующаяся); XI — Ямальская (формирующаяся); XII — Камчатская; XIII — Сахалинская; XIV — Владивостокская

Оценка сопряженности (взаимообусловленности) свойств талассоцентрированности и морехозяйственных функций иллюстрирует выраженный социально-экономический эффект от их сочетания в конкретных ПМО (табл. 2). В целом для России преобладающим подтипом являются талассоцентрированные ПМО с полифункциональным морским хозяйством (58 единиц), на которые приходится существенная доля демографического и экономического веса. В структуре ПМО юго-западного макротипа каркас их морской экономики формируют талассоцентрированные муниципалитеты с полифункциональным морским хозяйством, а в северо-восточном макротипе отмечается паритетное соотношение талассоцентрированных ПМО с моно- и полифункциональным морским хозяйством.

Таблица 2

**Сопряженность свойств талассоцентрированности
и морехозяйственных функций ПМО России**

Подтип ПМО	Макротип ПМО	Количество ПМО	Доля ПМО (в масштабах страны), %		
			В населении, 2024 г.	В площади территории	В доходах населения, 2021 г.
Лишенные свойств талассоцентрированности					
Лишенные значимых морехозяйственных функций	Северо-восток	9	2,1	7,4	6,9
	Юго-запад	22	9,9	0,9	8,6
	Все ПМО	31	12,1	8,2	15,5
С монофункциональным морским хозяйством	Северо-восток	13	1,3	13,2	3,5
	Юго-запад	18	7,1	0,7	6,0
	Все ПМО	31	8,4	13,8	9,5
С полифункциональным морским хозяйством	Северо-восток	4	1,1	3,6	4,7
	Юго-запад	4	1,4	0,3	1,5
	Все ПМО	8	2,6	3,8	6,3
Талассоцентрированные					
Лишенные значимых морехозяйственных функций	Северо-восток	6	0,6	3,3	1,6
	Юго-запад	2	0,5	0,0	0,7
	Все ПМО	8	1,1	3,3	2,3
С монофункциональным морским хозяйством	Северо-восток	37	2,1	32,4	5,0
	Юго-запад	13	3,3	0,2	2,6
	Все ПМО	50	5,4	32,5	7,5
С полифункциональным морским хозяйством	Северо-восток	28	10,7	37,4	22,9
	Юго-запад	30	59,8	0,9	36,0
	Все ПМО	58	70,5	38,3	58,9

Составлено на основе данных Росстата.

Взаимная обусловленность имеет место и в дихотомии типологических свойств «принадлежность опорной базе — наличие морехозяйственных функций». Группировки ПМО, идентифицируемые как «ядра опорных баз морехозяйственной активности», характеризуются высоким демографическим и экономическим весом и плотностью, в их границах локализованы крупные городские агломерации с полифункциональным морским хозяйством на базе развитой портовой инфраструктуры (рис. 3). ПМО, обладающие значительным площадным весом, но низкой степенью селитебной и хозяйственной освоенности территории, занимают периферийное положение в структуре опорных баз или располагаются за их пределами; каркас морской экономики таких таксонов формируют монофункциональные рассредоточенные пункты, лишенные портовой составляющей.

Наиболее многочисленные и значимые типы ПМО юго-западного макротипа представлены как талассоцентрированными, так и лишенными данного свойства территориальными единицами, соотношение которых по основным показателям выглядит асимметрично. Ключевая роль в пространственном развитии принадлежит талассоцентрированным ядрам опорных баз с полифункциональным морским хозяйством, которые дополняются периферийными элементами. В этой части приморской зоны страны происходит рост плотности демографического и экономического потенциалов.

Существенные различия между ПМО (третье направление их типологизации) связаны с присущей им степенью проблемности (в природно-экологическом, соци-

ально-экономическом и геополитическом аспектах), а также мерами (направлениями, инструментами) их целевой государственной (в первую очередь федеральной) поддержки.

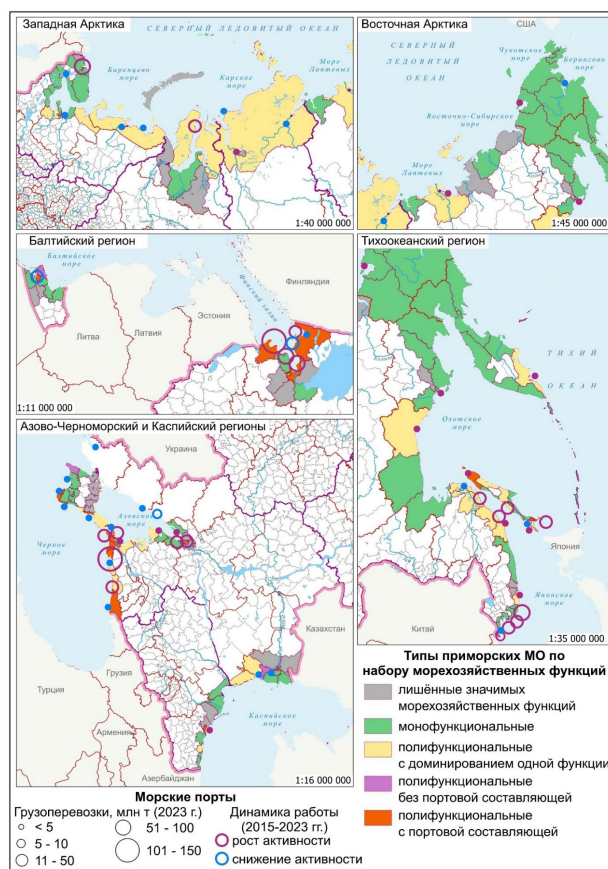

Рис. 3. Типы приморских муниципальных образований России по набору морехозяйственных функций

Как свидетельствует проведенная аналитика, в рамках северо-восточного макротипа количественно преобладают талассоцентрированные ПМО с разными вариантами структурных свойств: наиболее значимыми являются ядра опорных баз морехозяйственной активности с полифункциональным морским хозяйством (на 9 ПМО такого подтипа приходится свыше 40 % демографического потенциала и доходов населения).

Проведенным исследованием идентифицированы, в частности, более 60 ПМО, где социально-экономическое развитие осложняется транспортно-логистической изолированностью (отсутствием прямого круглогодичного наземного транспортного сообщения с крупными экономическими центрами за пределами региона), основная их часть локализована в пределах северо-восточного макротипа (табл. 3) — в Арктике (отдельные ПМО Мурманской области, территории от Ненецкого АО до Чукотки) и Тихоокеанской России (Камчатка, Сахалин, Магаданская область и часть Хабаровского края) [28]. В рамках юго-западного макротипа данная проблема присуща приморским муниципалитетам Калининградской области, чья изоляция в последние годы усилилась из-за барьерной функции российско-литовской границы

[31]. В целом же ПМО данного типа охватывают обширные пространства площадью более 4,6 млн км², или 79 % всей территории ПМО России, в них проживает 1,9 млн чел.

Таблица 3

**Сопряженность наиболее значимых типов ПМО
и проблем пространственного развития**

Подтип			Количество ПМО	Вес типа ПМО, %			Проблемное поле пространственного развития						
Талассоцентрированность	Вхождение в опорную базу морской активности	Морехозяйственные функции		Население	Территория	Доходы	Отставание по уровню социально-экономического развития	Неблагоприятное военное-стратегическое положение	Сложности ведения хозяйства в связи с геополитическими обстоятельствами	Повышенная уязвимость природных комплексов	Изолированность	Депопуляция	Сложные природно-климатические условия
Юго-западный макротип													
Нет	Нет	Нет	20	11,6	21,0	14,5	Да	Да	Да	—	—	—	—
Нет	Периферия	Моно	12	5,1	17,5	3,5							
Да	Периферия	Моно	11	3,7	6,3	3,8	—	Да	—	Да	Да	—	—
Да	Периферия	Поли	12	7,2	19,7	10,6	—	Да	Да	Да	—	—	—
Да	Ядра	Поли	15	64,3	7,7	53,2							
Всего			70	91,8	72,2	85,7	—						
Северо-восточный макротип													
Да	Нет	Моно	12	1,9	17,3	1,6	Да	—	—	—	Да	Да	Да
Да	Периферия	Моно	17	4,2	4,8	2,9							
Да	Нет	Поли	6	3,7	28,6	3,3	—	—	—	—	Да	Да	Да
Да	Периферия	Поли	13	7,6	9,8	7,9	—	—	—	Да	Да	—	Да
Да	Ядра	Поли	9	47,9	0,1	40,1	—	—	—	Да	—	—	Да
Всего			57	65,3	60,6	55,8	—						

Составлено по данным Росстата.

Сложные природно-климатические условия жизнедеятельности в большей степени присущи ПМО северо-восточного макротипа. В границах районов Крайнего Севера, горных территорий и зон с активными опасными сейсмическими и вулканическими процессами локализованы 88 ПМО, которые занимают 97 % площади приморских муниципалитетов страны и концентрируют около 2,6 млн чел. Проблемы природно-экологического характера в ПМО северо-восточного макротипа, преимущественно за пределами ядер морских баз, связаны с глобальными климатическими изменениями, тогда как пространственное развитие большей части ПМО юго-западного макротипа сопряжено с локальными экстерналиями селитебной и экономической динамики, генерируемыми плотнозаселенными ядрами опорных баз морехозяйственной активности.

В развитии ПМО прослеживается сопряженность и с проблемами социально-экономического и геополитического характера. В ПМО северо-восточного макротипа в большей степени проявлены депопуляция и существенное отставание периферийных территорий по уровню социально-экономического развития. Некоторые

ПМО юго-западного типа в последнее десятилетие испытывают сложности ведения хозяйства в связи с геополитическими обстоятельствами, а также с изменением военно-стратегического положения.

В пределах приморской зоны России уместно выделить следующие наиболее «проблемные ареалы» развития (рис. 4):

- 1) ПМО Мурманской области в северной части Кольского полуострова, исключая Мурманск и Североморск;
- 2) все приморские муниципалитеты Якутии;
- 3) ПМО северной части Тихоокеанской России, занимающие территорию от Чукотского района Чукотского АО до ПМО Магаданской области и Камчатки, имеющие выход к заливу Шелихова в Охотском море;
- 4) ПМО центральной части Тихоокеанской России, простирающиеся от Ольского городского округа Магаданской области на севере до Тугуро-Чумиканского района Хабаровского края на юге;
- 5) ПМО северной части Сахалинской области.

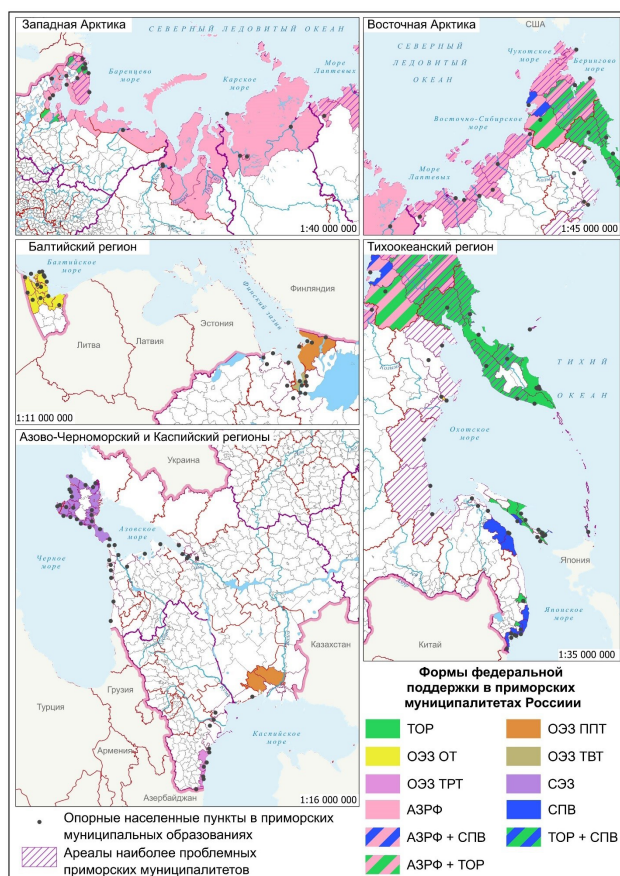

Рис. 4. Сопряженность «проблемных ареалов» и форм федеральной поддержки развития ПМО России

Примечание: ТОР — территория опережающего развития; ОЭЗ — особая экономическая зона, в том числе ОТ — общего типа, ППТ — промышленно-производственного типа, ТВТ — технико-внедренческого типа, ТРТ — туристско-рекреационного типа; СЭЗ — свободная экономическая зона; СПВ — Свободный порт Владивосток; АЗРФ — Арктическая зона РФ.

Приоритетность ПМО для страны, ее геополитики и экономики, сопряженная с проблемностью социально-экономического развития значительного числа ПМО, находит свое отражение в федеральной пространственной политике. Так, все ПМО северо-восточного макротипа, а также Калининградской области, Крыма, Дагестана включены в состав геостратегических территорий России (ПМО северо-восточного макротипа — как входящие в состав Арктической зоны РФ и/или Дальневосточного федерального округа, Дагестана — как входящего в состав Северо-Кавказского федерального округа). По геостратегическим территориям приняты государственные программы их социально-экономического развития, что позволяет получать им повышенные объемы федеральных инвестиций; геостратегические территории в значительной степени охвачены преференциальными режимами ведения хозяйственной деятельности. Так, во всех арктических ПМО действует преференциальный режим Арктической зоны РФ, территория Калининградской области является особой экономической зоной, территория Крыма (Республики Крым и Севастополя) — свободной экономической зоной. В северо-восточном макрорегионе функционируют также особая экономическая зона в Магаданской области и на Курильских островах Сахалинской области, территории опережающего развития в 37 дальневосточных и арктических ПМО, режим Свободного порта Владивосток — в 16 ПМО пяти дальневосточных субъектов федерации. В регионах юго-западного макротипа создано 9 особых экономических зон всех возможных типов в соответствии с федеральным законом «Об особых экономических зонах в Российской Федерации». В конечном итоге преференциальными режимами ведения хозяйственной деятельности охвачено более $\frac{2}{3}$ ПМО — 125 собственно ПМО, а также Санкт-Петербург и Севастополь (рис. 4).

Вместе с тем федеральная политика в отношении ПМО сохраняет еще немало проблем и «узких мест». Прежде всего преференциальными режимами ведения хозяйственной деятельности охвачены отнюдь не все проблемные ПМО, в том числе в северо-восточном макрорегионе за пределами Арктической зоны РФ (рис. 4). Территории опережающего развития, Свободный порт Владивосток созданы в тех дальневосточных ПМО, где есть потенциал экономического роста, а это, как правило, более экономически развитые территории в пределах макрорегиона, поскольку приморские территории опережающего развития — это преимущественно монопрофильные (рыбохозяйственные, портовые или добывающие) ПМО с присущим им комплексом сложных социально-экономических проблем.

Вместе с тем, как было показано ранее [32], распространение преференциального режима Арктической зоны Российской Федерации на все входящие в нее муниципалитеты тоже отнюдь не способствует ускоренному росту экономики самых проблемных территорий, поскольку большинство инвесторов предпочитают реализовывать свои проекты в относительно благоприятных для этого условиях, концентрируясь в итоге в агломерациях Архангельска и Мурманска и оставляя почти без внимания ПМО Якутии. Иначе говоря, перспективы социально-экономического развития наиболее проблемных, периферийных территорий нуждаются в дальнейшей серьезной проработке.

Сказанное справедливо и в отношении Дагестана: для Северного Кавказа, в отличие от всех других геостратегических территорий России, не был разработан свой, «особый» преференциальный режим, поддержка ПМО Дагестана ограничилась созданием в них особых экономических зон туристско-рекреационного типа. Это важно, поскольку преференции для инвесторов особых экономических зон

Калининградской и Магаданской областей, свободной экономической зоны Крыма, Арктической зоны Российской Федерации, территорий опережающего развития и Свободного порта Владивосток гораздо масштабнее.

Еще одной проблемой является недостаточная ориентированность преференциальных режимов на использование преимуществ именно приморского положения муниципалитетов. В северо-восточном макротипе очевидным исключением является режим Свободного порта Владивосток (который ограничивается только Дальним Востоком и не распространен, к примеру, на арктические порты), в юго-западном — Каспийский кластер в Астраханской области, объединивший портовую особую экономическую зону в Лиманском районе и промышленно-производственную особую экономическую зону в Наримановском районе, и промышленно-производственная зона «Усть-Луга» в Кингисеппском районе Ленинградской области.

Крайне неудачным оказался опыт создания туристско-рекреационных особых экономических зон в ПМО Краснодарского края, и сейчас это единственный из приморских субъектов РФ, где нет преференциальных режимов ведения хозяйственной деятельности [33]. Решение о создании особой экономической зоны (промышленно-производственного типа) в Ростовской области было принято только в марте 2024 г., и местом для нее выбран Новочеркасск — муниципалитет не приморский сам по себе, но входящий в состав агломерации Ростова-на-Дону.

Аналогичная ситуация — отсутствия четкого позиционирования ПМО среди других типов муниципальных образований — хорошо видна также по Единому перечню опорных населенных пунктов, который в недавно вступившей в действие «Стратегии пространственного развития Российской Федерации на период до 2030 года с прогнозом до 2036 года» назван в качестве одного из основных механизмов реализации Стратегии¹. Из 2160 опорных населенных пунктов России 158 относятся непосредственно к приморским муниципалитетам (рис. 4), из них наиболее широко представлены следующие типы: более трети (59) — населенные пункты, которые являются основными центрами предоставления социальных услуг для одного или нескольких муниципальных образований, в 20 населенных пунктах реализуются новые инвестиционные проекты, существенно влияющие на экономику территории, еще 20 — это опорные пункты, основная функция которых состоит в обслуживании критически важной инфраструктуры — основная их часть влияет на пространственное развитие преимущественно на локальном или муниципальном уровнях. В приморском пространстве России выделены 10 опорных населенных пунктов, которые являются ядром городской агломерации (численность населения города свыше 250 тыс. чел.). Наиболее густая сеть опорных населенных пунктов сформирована в ПМО юго-западного макротипа, что коррелирует с географическими особенностями расселения в России.

На наш взгляд, в Едином перечне опорных населенных пунктов важно было бы отразить множественность функций таковых, в том числе обратив особое внима-

¹ Стратегия пространственного развития России до 2030 года с прогнозом до 2036 года, 2025, Министерство экономического развития Российской Федерации, URL: https://www.economy.gov.ru/material/directions/regionalnoe_razvitie/strategicheskoe_planirovanie_prostranstvennogo_razvitiya/strategiya_prostranstvennogo_razvitiya_rossii_do_2030_goda_s_prognozom_do_2036_goda/ (дата обращения: 05.02.2025). Согласно тексту Стратегии, «“опорный населенный пункт” — населенный пункт, приоритетное развитие которого способствует достижению национальных целей и обеспечению национальной безопасности, в том числе за счет обеспечения доступности образования, медицинской помощи, услуг в сфере культуры и реализации иных потребностей для жителей прилегающей территории».

ние на центры морехозяйственной активности. В самой Стратегии ставится задача обеспечения эффективного использования морских акваторий в увязке с развитием прибрежных территорий, однако разработка реальных шагов по решению этой задачи еще только предстоит.

Заключение

1. Зафиксированное в Морской доктрине Российской Федерации стратегическое понимание «развития морской деятельности и морского потенциала»¹ как одного из решающих условий устойчивого социально-экономического развития Российской Федерации требует не только приоритетного внимания к приморским территориям страны, к их селитебной и хозяйственной специфике, но и культивирования полимасштабного и детализированного подхода к их анализу. Это, в свою очередь, предполагает вычленение в качестве ключевых, обладающих наиболее явной «приморскостью» именно территориальных образований муниципального уровня.

2. Присущая России множественность ПМО (186 территориальных единиц) и их выраженная разнородность по спектру базовых условий и важнейших параметров социально-экономического развития инициирует применение к ним инструментария многомерной типологизации. В его основу (выделение конкретных типов ПМО и их агрегированных макротипов) должен быть положен учет зональных (природно-селитебно-хозяйственных) и азональных (центр-периферийные структуры урбанистического типа) признаков, соотнесенных с «морскими» функционалом и позицией (эффектом талассоцентрированности), а также спектром узловых локализованных социально-экономико-экологических проблем и сфокусированными (территориально адаптированными) направлениями и мерами федерального регулирования пространственного развития.

3. Учет характеристик приморских территорий позволяет наряду с двумя их четко идентифицируемыми макротипами («северо-восточным» и «юго-западным») обособить атипические ПМО (Мурманская и Владивостокская агломерации, юг Сахалина), а также ряд наиболее широко представленных интегрированных типов. Превалирующими (по численности, демографическому и экономическому потенциалу) являются ПМО, совмещающие талассоцентрированность с «морским» хозяйственным функционалом, а также диверсифицированные морехозяйственные функции с приуроченностью к опорным базам морской активности.

4. В пространственном развитии ПМО северо-восточного макротипа фактор тяготения административных центров к морю и развитость морехозяйственных функций имеет большую значимость, чем для ПМО юго-запада, где природно-климатические условия детерминировали более сложную территориально-отраслевую структуру экономики. Для ряда приморских муниципалитетов Арктики и Тихоокеанской России приморское положение при текущем уровне освоения побережий страны — вызов, а не преимущество географического положения.

5. Основной вектор пространственного развития ПМО России связан с диверсификацией их морехозяйственных функций, повышением транспортной связности с внутренними районами страны и эшелонированием морского хозяйства вглубь приморских территорий (регионов) и прилегающих акваторий с учетом принципов и подходов комплексного аква-территориального планирования.

¹ Об утверждении Морской доктрины Российской Федерации (с изменениями и дополнениями), Указ Президента РФ от 31 июля 2022 г., 2022, №512, *Справочно-правовая система «Гарант»*, URL: https://base.garant.ru/405077499/#block_1000 (дата обращения: 27.04.2025).

6. Заявленная в Стратегии пространственного развития Российской Федерации на период до 2030 г. с прогнозом до 2036 г. задача развития морского пространственного планирования, обеспечивающего взаимную увязку планирования развития морских акваторий и прибрежных территорий, потребует учета всего разнообразия ПМО, представленного в данной статье, особенно в части понимания талассоцентрированности и хозяйственной специализации приморских территорий. В федеральной пространственной политике важна проработка вопросов создания условий для экономического развития тех приморских муниципалитетов, которые в настоящее время отличаются высокой степенью проблемности, периферийностью, слабостью вовлеченностью в морехозяйственную деятельность.

Финансирование. Исследование выполнено за счет гранта Российского научного фонда (проект № 23-18-00180 «Поливариантность детерминант и трендов экономической динамики муниципальных образований России: концептуализация, идентификация и типологизация в интересах государственного регулирования пространственного развития») в Институте народнохозяйственного прогнозирования РАН.

Список литературы

1. Дружинин, А. Г. 2023, Геополитическая обусловленность воздействия «фактора моря» на пространственное развитие постсоветской России: балтийская специфика, *Балтийский регион*, т. 15, № 4, с. 6—23, EDN: WQJCIK, <https://doi.org/10.5922/2079-8555-2023-4-1>
2. Курило, А. Е., Дружинин, П. В., Шкиперова, Г. Т., Прокопьев, Е. А. 2020, Социально-экономическое развитие прибрежных муниципальных районов Беломорья, *Арктика: экология и экономика*, № 2, с. 97—108, EDN: DXMLXM, <https://doi.org/10.25283/2223-4594-2020-2-97-108>
3. Федоров, Г. М. 2018, Калининградская область среди приграничных приморских субъектов России, *Вестник Балтийского федерального университета им. И. Канта. Серия: Естественные и медицинские науки*, № 2, с. 5—20, EDN: XTLEDR
4. Гуменюк, И. С., Гуменюк, Л. Г., Белов, Н. С. 2019, «Приморский фактор» в программах пространственного развития муниципальных образований Калининградской области, *Вестник Балтийского федерального университета им. И. Канта. Серия: Естественные и медицинские науки*, № 2, с. 5—22, EDN: WNBWO
5. Кузнецова, О. В. 2024, Федеральная Арктическая политика и ее муниципальная составляющая, *Научные труды Вольного экономического общества России*, т. 246, № 2, с. 96—115, EDN: IXIGZX, <https://doi.org/10.38197/2072-2060-2024-246-2-96-115>
6. Бакланов, П. Я., Мошков, А. В., Ткаченко, Г. Г., Ушаков, Е. А. 2024, Производственно-технические структуры в приморских поселениях Тихоокеанской России, *Тихоокеанская география*, № 1, с. 5—19, EDN: WVIYMS, <https://doi.org/10.5922/2079-8555-2022-1-1>
7. Дружинин, А. Г., Лялина, А. В. 2020, Приморские муниципалитеты России: концептуализация, идентификация, типологизация, *Геополитика и экогеодинамика регионов*, т. 6, № 2, с. 20—35, EDN: LPVNCG
8. Тикунов, В. С. 1997, *Классификации в географии: ренессанс или увядание? (Опыт формальных классификаций)*, Москва, Смоленск, Изд-во СГУ.
9. Бондаренко, В. С. 1981, Экономико-географическое изучение приморских зон, *Вестник МГУ. География*, № 1, с. 36—41.
10. Бакланов, П. Я. 2022, Устойчивое развитие приморских регионов: географические и геополитические факторы и ограничения, *Балтийский регион*, т. 14, № 1, с. 4—16, EDN: FTZLKK, <https://doi.org/2079-8555-2022-1-1>

11. Лачининский, С. С., Лачининский, А. С., Семенова, И. В. 2016, Геоэкономический фактор в формировании пространственной структуры Санкт-Петербургского приморского региона, *Известия Русского географического общества*, т. 148, № 2, с. 52—67, EDN: VRWWXT
12. Махновский, Д. Е. 2014, Приморские регионы Европы: развитие экономики на рубеже XX и XXI веков, *Балтийский регион*, № 4, с. 59—78, EDN: TIGDMV, <https://doi.org/10.5922/2074-9848-2014-4-4>
13. Михайлова, А. А., Горочная, В. В., Гуменюк, И. С., Плотникова, А. П., Михайлов, А. С. 2021, Влияет ли приморское положение муниципалитетов на их инновационное развитие?, *Вестник Санкт-Петербургского университета. Науки о Земле*, т. 66, № 3, с. 460—486, EDN: RTJFKN, <https://doi.org/10.21638/spbu07.2021.303>
14. Barragán, J. M., de Andrés, M. 2015, Analysis and trends of the world's coastal cities and agglomerations, *Ocean and Coastal Management*, № 114, p. 11—20, <https://doi.org/10.1016/j.ocecoaman.2015.06.004>
15. Kaulins, J., Ernsteins, R. et. al. 2017, Municipal thematical and territorial indicator systems for sustainable socio-ecological coastal governance, *Proceedings of The International Scientific Conference*, p. 318—329, URL: <https://cibmee.vgtu.lt/index.php/verslas/2017/paper/view/141/85> (дата обращения: 15.03.2025).
16. Seingier, G., Espejel, I., Fermán-Almada, J. L., González, O. D., Montañó-Moctezuma, G., Azuz-Adeath, I., Aramburo-Vizcarra, G. 2011, Designing an integrated coastal orientation index: a cross-comparison of Mexican municipalities, *Ecological Indicators*, vol. 11, № 2, p. 633—642, <https://doi.org/10.1016/j.ecolind.2010.08.009>
17. Pomianowski, A., Doburzyński, S. 2021, The Importance of Coastal Cities and Regions in Selected European Countries, *European Research Studies Journal*, vol. XXIV, № 4, p. 578—589, EDN: WCRVSM, <https://doi.org/10.35808/ersj/2608>
18. Mikhaylov, A. S., Mikhaylova, A. A., Kuznetsova, T. Y. 2018, Coastalization effect and spatial divergence: Segregation of European regions, *Ocean and Coastal Management*, № 161, p. 57—65, EDN: XXLJXV, <https://doi.org/10.1016/j.ocecoaman.2018.04.024>
19. Федоров, Г. М., Корнеев, В. С. 2015, Социально-экономическая типологизация приморских регионов России, *Балтийский регион*, № 4, с. 121—134, EDN: VCYWWD, <https://doi.org/10.5922/2074-9848-2015-4-7>
20. Кузнецова, О. В. 2022, Развитие муниципальной проблематики в государственной пространственной политике России, *Региональные исследования*, № 2, с. 16—24, EDN: MAFVDK, <https://doi.org/10.5922/1994-5280-2022-2-2>
21. Ромашина, А. А. 2019, Типология муниципальных образований России по специализации экономики и положению в системе расселения, *Региональные исследования*, № 3, с. 42—52, EDN: HBEJUG, <https://doi.org/10.5922/1994-5280-2019-3-4>
22. Нефедова, Т. Г., Тревиш, А. И., Шелудков, А. В. 2022, Полимасштабный подход к выявлению пространственного неравенства в России как стимула и тормоза развития, *Известия Российской академии наук. Серия географическая*, № 86 (3), с. 289—309, EDN: FCOHMS, <https://doi.org/10.31857/S2587556622030128>
23. Кузнецова, О. В. 2024, Муниципальные образования России: новые подходы к типологизации и оценке социально-экономической ситуации, *Региональные исследования*, № 3, с. 4—15, EDN: OTDVOT, <https://doi.org/10.5922/1994-5280-2024-3-1>
24. Вольхин, Д. А. 2024, ГИС-моделирование типов муниципалитетов для целей пространственного развития (на примере регионов Российского Причерноморья), *Ученые записки Крымского федерального университета имени В. И. Вернадского. География. Геология*, т. 10, № 2, с. 42—60, EDN: NFVNDA
25. Дружинин, А. Г. 2023, Талассоцентрированность приморских территорий России: селитебное и хозяйственное измерение, *Региональные исследования*, № 4, с. 18—28, EDN: EIHUJD, <https://doi.org/10.5922/1994-5280-2023-4-2>

26. Дружинин, А. Г. 2020, Опорные базы морского порубежья России: экономическая динамика в условиях геополитической турбулентности, *Балтийский регион*, т. 12, № 3, с. 89—104, EDN: CHWNEA, <https://doi.org/10.5922/2079-8555-2020-3-6>

27. Тикунов, В. С., Черешня, О. Ю. 2015, Индекс экономического развития регионов Российской Федерации, *Вестник Московского университета. Серия 5: География*, № 6, с. 41—47, EDN: VYTUTV

28. Бадина, С. В., Панкратов, А. А., Янков, К. В. 2020, Проблемы транспортной доступности изолированных населенных пунктов европейского сектора Арктической зоны России, *ИнтерКарто. ИнтерГИС*, т. 26, № 1, с. 305—317, EDN: НМНХКЕ, <https://doi.org/10.35595/2414-9179-2020-1-26-305-317>

29. Бокучава, Д. Д., Бородина, Т. Л., Виноградова, В. В., Глезер, О. Б., Золотокрылин, А. Н., Соколов, И. А., Титкова, Т. Б., Черенкова, Е. А., Ширяева, А. В. 2018, *Природно-климатические условия и социально-географическое пространство России*, Москва, Институт географии РАН, EDN: VTAYEG, <https://doi.org/10.15356/ncsgsrus>

30. Оценка природно-географических условий для жизни населения и хозяйственной деятельности, *Национальный атлас России, т. 3. Население. Экономика*, URL: <https://nationalatlas.ru/tom3/50-51.html> (дата обращения: 05.02.2025).

31. Федоров, Г. М., Зверев, Ю. М. 2024, *Россия на Балтике: 2014—2023 годы*, Калининград, Издательство БФУ им. И. Канта, EDN: BLYKYU, URL: <https://publish.kantiana.ru/catalog/non-periodical/monografii/978-5-9971-0839-7/> (дата обращения: 20.02.2025).

32. Кузнецова, О. В. 2024 Экономическая дифференциация и восприимчивость муниципалитетов российской Арктики к федеральным преференциальным режимам, *Экономика региона*, т. 20, № 2, с. 462—476, EDN: NDHCXU, <https://doi.org/10.17059/ekon.reg.2024-2-8>

33. Кузнецова, О. В. 2016, Особые экономические зоны: эффективны или нет? *Пространственная экономика*, № 4, с. 129—152, EDN: XEDUEZ, <https://doi.org/10.14530/se.2016.4.129-152>

Об авторах

Александр Георгиевич Дружинин, доктор географических наук, профессор, директор Северо-Кавказского НИИ экономических и социальных проблем, Южный федеральный университет, Россия; главный научный сотрудник, Институт народнохозяйственного прогнозирования РАН, Россия; ведущий научный сотрудник, Институт географии РАН, Россия.

<https://orcid.org/0000-0002-1642-6335>

E-mail: alexdru9@mail.ru

Денис Антонович Вольхин, кандидат географических наук, доцент кафедры социально-экономической географии им. Н. В. Багрова, Крымский федеральный университет имени В. И. Вернадского, Россия.

<https://orcid.org/0000-0001-6975-559X>

E-mail: lomden@mail.ru

Ольга Владимировна Кузнецова, доктор экономических наук, профессор, профессор РАН, заместитель директора по научной работе, Институт народнохозяйственного прогнозирования РАН, Россия.

<https://orcid.org/0000-0003-4341-0934>

E-mail: kouznetsova_olga@mail.ru

COASTAL MUNICIPALITIES IN THE SPATIAL DEVELOPMENT OF RUSSIA: MULTIDIMENSIONAL TYPOLOGIZATION

A. G. Druzhinin^{1, 2}

D. A. Volkhin³

O. V. Kuznetsova⁴

¹ Southern Federal University,
105/42 Bolshaya Sadovaya St., Rostov-on-Don, 344006, Russia

² Institute of Geography of the Russian Academy of Sciences,
29 Staromonetny Lane, Moscow, 119017, Russia

³ V. I. Vernadsky Crimean Federal University,
4 Prospekt Akademika Vernadskogo, Simferopol, 295007, Russia

⁴ Institute of Economic Forecasting of the Russian Academy of Sciences,
47 Nakhimovsky Prospekt, Moscow, 117418, Russia

Received 05 May 2025

Accepted 30 July 2025

doi: 10.5922/2079-8555-2025-3-5

© Druzhinin, A. G., Volkhin, D. A.,
Kuznetsova, O. V., 2025

In the spatial structure of modern Russia, vast coastal zones play a significant role. Their further development requires a highly detailed and localized approach (down to the level of specific coastal municipalities) that considers the natural, ecological, and socio-economic conditions of settlement and economic activity. This article presents a methodological approach and the results of a multidimensional typology of Russia's coastal municipalities (186 urban districts, municipal districts, and municipal okrugs (a type of municipality in Russia)). The typology is based on interbasin natural and economic zonation; comparison of the economic, demographic, and areal size of municipalities; the position of their administrative centres relative to the coastline; central-peripheral relations within the framework of the 'main bases' of marine activity; marine economic functionality; prevailing local socio-economic and environmental problems; and the availability of federal support through preferential business regimes. The typologization algorithm is described along with its cartographic visualization (using GIS). The article also provides an assessment and comparative analysis of the socio-economic dynamics of different types and subtypes of coastal municipalities. The study identifies multidirectional trends in the spatial socio-economic development of Russia's coastal zone: polarization, population and economic concentration in some municipalities, and economic contraction in others. The most problematic typological groups and their geographic locations (Pacific Russia and the Arctic zone) are identified. Finally, the article emphasizes the importance of accounting for these typological features in Russia's spatial development strategy, including in the context of federal support for geostrategic territories and the creation of a network of anchor settlements.

Keywords:

coastal municipalities, typology, marine complex, spatial development, Russia

References

1. Druzhinin, A. G. 2023, The geopolitical effect of the maritime factor on the spatial development of Post-Soviet Russia: the baltic case, *Baltic Region*, vol. 15, №4, p. 6—23, <https://doi.org/10.5922/2079-8555-2023-4-1>

To cite this article: Druzhinin, A. G., Volkhin, D. A., Kuznetsova, O. V. 2025, Coastal municipalities in the spatial development of Russia: multidimensional typologization, *Baltic Region*, vol. 17, № 3, p. 81—101.
doi: 10.5922/2079-8555-2025-3-5

2. Kurilo, A. E., Druzhinin, P. V., Shkiperova, G. T., Prokopiev, E. A. 2020, Socio-economic development of coastal municipal areas of the white sea region, *Arktika Ekologia I Ekonomika*, vol. 39, № 2, p. 97—108, <https://doi.org/10.25283/2223-4594-2020-2-97-108>
3. Fedorov, G. M. 2018, The Kaliningrad Region as a coastal border region of Russia, *IKBFU's Vestnik. Series: Natural and Medical Sciences*, № 2, p. 5—20.
4. Gumenyuk, I. S., Gumenyuk, L. G., Belov, N. S. 2019, The coastal factor in spatial development programmes for the municipalities of the Kaliningrad region, *IKBFU's Vestnik. Series: Natural and Medical Sciences*, № 2, c. 5—22.
5. Kuznetsova, O. V. 2024, Federal arctic policy and its municipal dimension, *Proceedings of the VEO of Russia*, vol. 246, № 2, p. 96—115, <https://doi.org/10.38197/2072-2060-2024-246-2-96-115>
6. Baklanov, P. Ya., Moshkov, A. V., Tkachenko, G. G., Ushako, E. A. 2024, Industrial and technical structures in the coastal settlements of Pacific Russia, *Pacific Geography*, № 1, p. 5—19, https://doi.org/10.35735/26870509_2024_17_1
7. Druzhinin, A., Lialina, A. 2020, The Russian coastal municipalities: conceptualization, identification, classification, *Geopolitics and Ecogeodynamics of regions*, vol. 6, № 2, p. 20—35 (in Russ.).
8. Tikunov, V. S. 1997, *Classifications in Geography: Renaissance or Decline? (An Experience of Formal Classifications)*, Moscow, Smolensk, SSU Publishing House (in Russ.).
9. Bondarenko, V. S. 1981, Economic and geographical study of coastal zones, *Vestnik Moskovskogo Universiteta. Seria 5, Geografia*, № 1, p. 36—41 (in Russ.).
10. Baklanov, P. Y. 2022, Sustainable development of coastal regions: geographical and geog political factors and limitations, *Baltic Region*, vol. 14, № 1, <https://doi.org/10.5922/2079-8555-2022-1-1>
11. Lachininskii, S. S., Lachininskii, A. S., Semenova, I. V. 2016, Geoeconomic factor in formation of spatial structure of the St. Petersburg coastal region, *Proceedings of the Russian Geographical Society*, vol. 148, № 2, p. 52—67 (in Russ.).
12. Makhnovsky, D. 2014, The coastal regions of Europe: economic development at the turn of the 20th century, *Baltic Region*, № 4, p. 50—66, <https://doi.org/10.5922/2079-8555-2014-4-4>
13. Mikhaylova, A. A., Gorochnaya, V. V., Gumenyuk, I. S., Plotnikova, A. P., Mikhaylov, A. S. 2021, Does the coastal location of municipalities influence their innovation development?, *Vestnik of Saint Petersburg University Earth Sciences*, vol. 66, № 3, p. 1—31, <https://doi.org/10.21638/spbu07.2021.303>
14. Barragán, J. M., de Andrés, M. 2015, Analysis and trends of the world's coastal cities and agglomerations, *Ocean and Coastal Management*, № 114, p. 11—20, <https://doi.org/10.1016/j.oceecoaman.2015.06.004>
15. Kaulins, J., Ernsteins, R. et al. 2017, Municipal thematical and territorial indicator systems for sustainable socio-ecological coastal governance, *Proceedings of The International Scientific Conference*, p. 318—329, URL: <https://cibmee.vgtu.lt/index.php/verslas/2017/paper/view/141/85> (accessed 15.03.2025).
16. Seingier, G., Espejel, I., Fermán-Almada, J. L., González, O. D., Montaña-Moctezuma, G., Azuz-Adeath, I., Aramburo-Vizcarra, G. 2011, Designing an integrated coastal orientation index: a cross-comparison of Mexican municipalities, *Ecological Indicators*, vol. 11, № 2, p. 633—642, <https://doi.org/10.1016/j.ecolind.2010.08.009>
17. Pomianowski, A., Doburzyński, S. 2021, The Importance of Coastal Cities and Regions in Selected European Countries, *European Research Studies Journal*, vol. XXIV, № 4, p. 578—589, EDN: WCRVSM, <https://doi.org/10.35808/ersj/2608>
18. Mikhaylov, A. S., Mikhaylova, A. A., Kuznetsova, T. Y. 2018, Coastalization effect and spatial divergence: Segregation of European regions, *Ocean and Coastal Management*, № 161, p. 57—65, EDN: XXLJXV, <https://doi.org/10.1016/j.ocecoaman.2018.04.024>
19. Fedorov, G., Korneevets, V. 2015, Socioeconomic Typology of Russia's coastal regions, *Baltic Region*, № 4, p. 89—101, <https://doi.org/10.5922/2079-8555-2015-4-7>
20. Kuznetsova, O. V. 2022, Development of municipal issues in the state spatial policy of Russia, *Regional Research*, № 2, p. 16—24 (in Russ.), <https://doi.org/10.5922/1994-5280-2022-2-2>

21. Romashina, A. A. 2019, Typology of Russia municipalities by economic specialization and status in settlement systems, *Regional Research*, № 3, p. 42—52, <https://doi.org/10.5922/1994-5280-2019-3-4>
22. Nefedova, T. G., Treivish, A. I., Sheludkov, A. V. 2022, A Multi-Scale Approach to Identifying Spatial Inequality in Russia as Incentive and Obstacle in Development, *Izvestiya Rossiiskoi Akademii Nauk Seriya Geograficheskaya*, vol. 86, № 3, p. 289—309, <https://doi.org/10.31857/S2587556622030128>
23. Kuznetsova, O. V. 2024, Municipalities of Russia: new approaches to typologization and assessment of socio-economic situation, *Regional Research*, № 3, p. 4—15, <https://doi.org/10.5922/1994-5280-2024-3-1>
24. Volkhin, D. A. 2024, Gis modeling of municipality types for spatial development purposes (using the example of the regions of the Russian black sea region), *Scientific Notes of the V.I. Vernadsky Crimean Federal University. Geography. Geology*, vol. 10, № 2, p. 42—60, EDN: NFNDA
25. Druzhinin, A. G. 2023, Thalassocentricity of the coastal territories of Russia: residential and economic measurement, *Regional Research*, № 4, p. 18—28, <https://doi.org/10.5922/1994-5280-2023-4-2>
26. Druzhinin, A. G. 2020, The strongholds of Russian coastal borderlands: economic dynamics amid geopolitical turbulence, *Baltic Region*, vol. 12, № 3, p. 89—104, <https://doi.org/10.5922/2079-8555-2020-3-6>
27. Tikunov, V. S., Cheresnaya, O. Yu. 2015, Economic index for the regions of the Russian federation, *Vestnik Moskovskogo Universiteta, Seriya Geografiya*, № 6, p. 41—47.
28. Badina, S. V., Pankratov, A. A., Yankov, K. V. 2020, Transport accessibility problems of the isolated settlements in Russian European Arctic zone, *Yankov, K. V. Intercarto Intergis*, № 26, p. 305—317, <https://doi.org/10.35595/2414-9179-2020-1-26-305-317>
29. Bokuchava, D. D., Borodina, T. L., Vinogradova, V. V., Glezer, O. B., Zolotokrylin, A. N., Sokolov, I. A., Titkova, T. B., Cherenkova, E. A., Shiryayeva, A. V. 2018, *Natural and climatic conditions and sociogeographical space of Russia*, Moscow, Institute of Geography RAS (in Russ.), <https://doi.org/10.15356/ncsgsrus>
30. Assessment of natural and geographical conditions for the life of the population and economic activity, *National Atlas of Russia, v. 3. Population. Economy* (in Russ.), URL: <https://nationalatlas.ru/tom3/50-51.html> (accessed 05.02.2025).
31. Fedorov, G. M., Zverev, Yu. M. 2024, *Russia in the Baltic: 2014—2023*, Kaliningrad, I. Kant Baltic Federal University Publishing House (in Russ.), URL: <https://publish.kantiana.ru/catalog/non-periodical/monografii/978-5-9971-0839-7/> (accessed 20.02.2025).
32. Kuznetsova, O. V. 2024, Economic Differentiation of Municipalities of the Russian Arctic and their receptivity to Federal Preferential Treatment, *Economy of Regions*, vol. 20, № 2, p. 462—476, <https://doi.org/10.17059/ekon.reg.2024-2-8>
33. Kuznetsova, O. V. 2016, SPECIAL ECONOMIC ZONES: EFFICIENT OR NOT? *Spatial Economic=Prostranstvennaya ekonomika*, № 4, p. 129—152 (in Russ.), <https://doi.org/10.14530/se.2016.4.129-152>

The authors

Prof **Alexander G. Druzhinin**, Director, North Caucasus Institute of Economic and Social Problems, Southern Federal University, Russia; Senior Research Fellow, Institute of Geography of the Russian Academy of Sciences, Russia.

<https://orcid.org/0000-0002-1642-6335>

E-mail: alexdru9@mail.ru

Dr **Denis A. Volkhin**, Assistant Professor, V.I. Vernadsky Crimean Federal University, Russia.

<https://orcid.org/0000-0001-6975-559X>

E-mail: lomden@mail.ru

Prof **Olga V. Kuznetsova**, Deputy Director for Research, Institute of Economic Forecasting of the Russian Academy of Sciences, Russia.

<https://orcid.org/0000-0003-4341-0934>

E-mail: kouznetsova_olga@mail.ru

Submitted for possible open access publication under the terms and conditions of the Creative Commons Attribution – Noncommercial – No Derivative Works <https://creativecommons.org/licenses/by-nc-nd/4.0/deed.en> (CC BY-NC-ND 4.0)